

Часть 1

Записки на запястье

Книга, написанная в жанре дзуйхицу, включает бытовые сцены, анекдоты, новеллы, стихи, картины природы, описания придворных торжеств, поэтические раздумья, зарисовки обычаев и нравов того времени. Записками у изголовья именовали в Японии тетради для личных заметок. В твёрдом изголовье кровати устраивали выдвижной ящик, где можно было прятать личные записи, письмо или тетрадь.

предисловие к книге Сей Сёнагон
«Записки у изголовья»

Щенок чует весну и не слушается на прогулке. Зову его и чувствую, что хочется как-то поглубже крикнуть его кличку, чтобы было обиднее. Всё не могу понять, что-то крутится на языке и не говорится. Потом понимаю — я хочу позвать его по фамилии.

У девушки на месте задних карманов джинсов нарисованы крылья. По-моему, у неё больше нет ангела-хранителя. Она не расстигала вес, когда садилась ему на шею.

Встретила щенка дога. Он был такой серо-мраморно-стальной, что напоминал морской камушек, уже омытый волной. Пока не высох, хочется запы-хоть в рот.

Серёжа увидел на столе книжку А. Милна «Двое».
— А, Пятак и Винни онли?

Полная крупногубая брюнетка с очень короткой стрижкой с подвизгиванием вырывает из рук приятеля мотоциклетный шлем. Примеряет — и её голова выравнивается по степени округлости с её бедрами. Когда снимает — головы резко становится мало.

Определить «ещё гости» или «уже близкие» те люди, прихода которых ты ждёшь к себе домой, легко по порыву «протереть полочку в ванной». Если гости — стараешься протереть. Если свои — не волнуешься, потому что впечатление о тебе уже не изъесть никакой грязью на полочке.

А «гости» — это хрупкое, его и полочка может пустить по неверному направлению роста. Вырастет потом большое чувство, а у самого корня изъян.

Я сделала в кафе заказ «чай, два пирожных». Пока читала, неожиданно пришел Серёжа и официантка оперативно принесла заказ так: две чашки, две ложки, два пирожных — каждое на своей тарелке. Серёжа через минуту также неожиданно ушёл, а я осталась сидеть, как Алиса у глупого шляпника, с сервированной пустотой

напротив. Мне очень хотелось попить из обеих чашек, поесть обеими ложками. Но я не стала, а вместо этого просто несколько раз мысленно сменила воображаемого собеседника. Чудесно провела время, многих повидала.

Граждане автомобилисты, отвыкшие от метрополитена и вдруг вынужденные совершить поездку с его использованием, ведут себя достойно. Из всех сил они пытаются не забыть правила дорожного движения, быть уважительными и внимательными к партнерам на пешеходной дороге. Их ужасно злит, что пассажиропоток, двигаясь плотными рядами по переходам и лестницам, не сигнализирует поворотниками при перестроении из ряда в ряд, совершенно не держит дистанцию и ползет в крайнем левом, задумчиво и неспешно, будто в каком-то крайнем правом, как поливальные машины и трактора. Но, главное, совершенно некуда жать, чтоб выразить свое нетерпение.

Владельцы охотничьих собак удивительны. Огромная мансарда, человек двадцать собрались возле камина. Щебет, смех, рукопожатия. Вместо фотокарточек по кругу пускают недавно подбитую птицу с длинным клювом. Перебирают перья, глядят клюв, головку, приговаривают «красавец». Я пропускаю очередь, а моя соседка, взяв ножницы, твердым, уверенным движением отрезает птице крыло. Заворачивает в тряпочку, улыбается: «коллекция растёт».

Сейчас вернулась мода на аккуратные женские сапожки. Черные, высотой до уровня чуть выше щиколотки, в меру острый нос, тонкий каблук, гимназистки, облук. Ножек, обутих в такие сапожки, много и они (сапожки) настолько одинаковые, что кажется, будто это такие зверьки. Где-то мужчины ходят на охоту, добывают их ловко подстреливая и приносят, усталые, домой. Женщины добычу освежывают, проверяя цельность застежек-молний, нежно смазывают жиром для блеска. Потом носят.

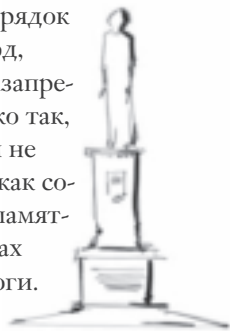
Я считаю оскорбительным тот факт, что диетический 1% кефир называется «Коровушка». Что за намеки, я ведь купила уже этот пакет, продемонстрировав, что моя фигура меня устраивает не вполне. Затем же добивать?!

Борьба с собой, со своими желаниями и порывами к глупостям очень напоминает силовое состязание с сильным, крепким противником. Так и чувствуешь под пальцами упругие напряжённые мышцы и всё время пытаешься поудобнее перехватить то, за что удалось уцепиться. Но соперник выкручивается и выскользывает, будто он — огромный пружинящий масляный блин.

Не знаю, как насчёт часа волка, а в офисе в районе четырёх часов начинается оживление на лестнице. Стольких сотрудников за раз в другое время увидеть невозможно. У каждого в руках чашка для чая или кофе и это очень похоже на ярмарку — цветные, разномастные — выдающие владельцев с головой. Вот белая с именем, вот пёстрая с пухлой ручкой, чистые, грязные, с ложками и без, с уже насыпанным растворимым кофе или повесившимся пакетиком чая. Будто на прогулку выводят питомцев. К поилке.

Как у людей получается друг друга понимать? Любое слово имеет миллионы оттенков, порядок этих слов — ещё дополнительный миллиард, а интонации, контекст и прочее — вообще запретельные числа. Человек всё понимает только так, как захочет сам. Более того, сам говорящий не всегда способен выразить свою мысль, так как собирался. Тем, кто смог это сделать ставят памятники, издают их мысли в красивых обложках и проходят в школах. Но это всегда монологи.

Затыкать рот женщине — всё равно, что замуровывать дверь туалета в пивной.

А хорошо бы, когда мы все умрем, устроить разбор полётов. Такой, как делают в театре после спектакля. Собраться всем за столом с пирогами и самоваром и обсуждать, что да как. И вот баранку за щекой не дожевав, кричать, смехом захлебываясь, на ту сторону стола кому-то: «Ну а ты вообще тогда дал нам жизни! Представить себе не могла!». Или кто-то тебе, лихо под бок пихнув: «А в девяносто втором тебе же просто надо было позвонить». И только и слышалось бы, «А Васька-то, Васька!», «Зря бабулю тогда не убеждали...», «И тогда выхожу я и говорю им...», «И разревелась, как дура...». Пироги, конечно, были бы с яблоками.

Отсохшие от сердца люди всё же остаются какими-то пустяками. Нет уже ни лица, ни голоса, ни слов, ни запаха, ни даже трепыхания знакомого имени, а всё равно запоминается что-то неожиданное в своей ненужности. Родинка над губой, сгиб локтя, уголок глаза с морщинами или смешной звук невыговариваемой буквы.

Весь лес забит лыжниками, как аквариум рыбами. Разные, цветные, маленькие и старенькие с пёстрыми лыжами-плавниками. Дорог нет, есть только лыжни. И сверху сыпется снег, как корм. Плавно, мохнато виляя.

Однажды мы с Серёжей захотели выдрессировать щенка, который убегал от нас на прогулке. Прочитали в книжках про то, что при отказе от выполнения команд, следует давать отрицательное подкрепление, то есть делать больно, неприятно. Дрессировщик посоветовал кидать что-то гремящее, для получения резкого пугающего звука, например, жестяную банку с монетами внутри. Подходящей банки у нас не нашлось, решили положить мелочь в картонную коробку, а чтобы та не размокла, если упадет в лужу, обернули её пластиковым пакетом. Конечно, при первой же попытке пакет и коробка порвались, медяки со звоном рассыпались по асфальту. Кто-то из прохожих с любопытством спросил из-за наших спиں:
— На деньги ловите?

В какие-то дни я совершенно не могу смотреть в окна домов. В них видно всё так отчетливо, что я просто проваливаюсь внутрь. Оказываюсь за столом с семейством, щедя с дурацкой улыбкой: «Здрсссте». Они ошарашенно достают мне ещё один прибор. Или появляюсь рядом с школьником, старательно переписывающим на чисто задание. «Здесь вот поправь», — говорю ему. Он замирает с открытым ртом. Вдруг усаживаюсь около болтающей по телефону девушки. «Он не позволит. Не надо ждать. Зато вас Саша из второго подъезда любит». А у меня ведь и своих дел навалом...

Наблюдала предновогодний торговый центр. Два часа смотрела на людей, мишуру, подарки. Сорок минут посвятила разглядыванию девушки-ангела. Это была специальная рекламная девушка-ангел, которая горестно сидела и придельвала себе крылья, потому что костюм ей выдали со сломанными. Они распадались на две половинки и никак не крепились на спине. Она всё сидела и сидела, пробовала и роняла, завязывала какие-то верёвочки. Я смотрела с высоты второго этажа и не могла слышать, что говорит эта девушка-ангел. Но уверена, что она произносила: «Чёрт, чёрт!»

Сознание моё лениво и в состоянии покоя легко сворачивается до стен помещения, в котором находится тело, максимально расширяясь всего на десяток километров вокруг. Лежит, свернутое в узел, уютно плесневея в складках и вычеркивает из списков существующего целые города, страны, континенты, климатические и часовые пояса, атмосферные явления, саму атмосферу, планеты и космос как таковой. Ему неудобно ощущать существование всех этих вещей всё время. Гораздо легче мыслить масштабом спального района, простирая кратчайшую кривую от метро до квартиры и сравнивать цены в соседних аптеках. Пинками для этого лентяя, как правило, служат книги, фильмы, беседы с другими людьми, а также специальные усилия по расширению рамок, насильное восприятия себя самой в масштабе вселенной. То есть раскрывающейся матрешкой: вот я сижу на стуле в кухне, кухня находится в доме, дом в городе, город в стране и так далее до тех пор, куда хватит сил представить и ощутить. В особенно хорошие дни получается осознать прошлые столетия или даже тысячелетия.

Через некоторые испытания приходится идти одному, как будто ты поезд и на твоём пути очень узкий туннель. Никого с собой брать нельзя — там нет места. Тебя проводят, помашут вслед, пожмут руку, хлопнут по плечу. Потом с другой стороны встретят, прикоснутся губами ко лбу, а то и дадут пощёчину от истерики, водой сбрызнут — пришёл!

Как ты там шёл — неважно. А тебе было душно, тесно, плохо и очень тяжело. Потому что один.

В аквариумах Якитории плавают очень искренние рыбы. Их видно насквозь в прямом смысле слова — хребет, пузырь и остальной инструментарий.

Ребёнок в коляске вытирает зефирной ладошкой капли слез со сдобной щеки. Сейчас его повезут в пряничный домик.

*Случайно встречаю приятеля, слышу:
— Слушай, а я тебя и не узнал, смотрю
какая-то красивая девушка стоит,
а это ты.*

В проёме двери виден красно-синий дом.
С улицы заходит важный господин в галстуке
такого же цвета и кажется его филиалом.

Обсуждаем, как все ненавидят гладить рубашки. Саша радостно вспоминает:
— Вот у меня бабушка обожает их гладить! Только у неё совершенно это не получается, сколько она их мне перепортила!

Весенним утром после недельной работы гонки выхожу во двор. Замечаю, что все деревья уже зелёные. Каждый год не успеваю засесть, когда весна становится летом, как будто головёвская девотка превращается в хорошенькую молодую жёнушку в кружевном передничке. И готовит, готовит сразу же. Черемуха, яблони, что захочешь.

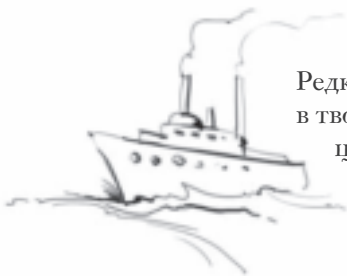
Новые люди знакомятся с тобой, будто листают журнал. То есть открывают наугад, пару строк выхватывая, и потом, зажав слегка пальцами, запускают страницы мелькать. И так хочется крикнуть: «Стой, ты неудачно открыл, погоди, я найду тебе интересную статью!». И вообще хорошо бы с начала, чтобы с содержания, чтобы по порядку всё. От начала до конца, подробно.

А с гениальностью хочется, чтобы было так. Чтобы родители понимали, что их ребенок особенный, гордились, осознавали весь масштаб и мощь, но в то же время, украдкой всплакнув, наливали бы тебе горячий суп и вспоминали, как ты с разбитыми коленками рвал соседские яблоки.

Любимые чтобы любили тебя, узнав про твои способности, ещё сильнее и крепче. Ценили, поддерживали, и к месту вворачивали цитаты из тебя в беседе с кем-то чужим.

А друзья пускай не понимают никаких твоих горизонтов и глубин. Им даже можно играть в морской бой на последней странице твоей рукописи, проливать кофе на все остальные страницы, ощутимо пихать тебя в бок, и легонько дотрагиваться косточками кулака до подбородка в укоризненном ударе. Пусть ждут тебя с церемонии вручения Нобелевки, приговаривая: «Чёрт, сколько можно этого уroda ждать, пиво греется». Короче, любимым труднее всего.

Редко чьё-то слово или мысль попадает в твоё сокровенное прицельно, в самый центр. Часто ты просто слышишь взрывы вдалеке, видишь поднятую пыль на линии горизонта. Но иногда, как в игре «морской бой», тебе впечатывают удар ровно под бок.

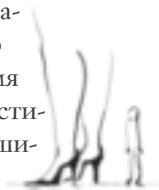
Точнёхонько на соседнюю клетку, то есть почти коснулись и не знают об этом, вздохнули «мимо» и ушли, а ты затаился и только бы себя не выдать, а у твоих моряков суп в тарелках и компот в стаканах качнулся, они подняли головы и напрягли шеи.

В поезде метро трясёт. Как будто слегка подбрасывают ягоды в дуршлаге. Наверное мы — смородина, сидим на лавке в рядок, словно прикреплённые к веточке.

На прогулке нам навстречу выскочила встрепанная белая собачка в кофточке, похожей на пижамку — в светлую крупную клетку, на больших пуговицах. Будто какую-то герцогиню за склочный характер ночью превратили в животное, и она выбежала скандалить, не заметив.

Почему-то боги, ответственные за меня там наверху, поступают со мной, как с больным, выдавая счастье дозированно, редко, и непременно под роспись главного врача. Предсказать время выдачи невозможно, можно только маячить в стирanom больничном халате в коридоре, прислушиваясь к бряцанию шприцев в процедурной, загадывать на цвет помады дежурной медсестры, вспоминать прошлое и улыбаться. Подготовиться к ощущению счастья нельзя, это случается всегда неожиданно и каждый раз ошеломляет. И, конечно, думаешь, что уж растянешь его теперь до следующего раза, не растратишь сразу. Чёрта с два. Очень скоро собакой с наивным взглядом тянешь морду кверху — ещё, сестричка, а то помру. Но она холодна и с журналом выдачи.

В типографии жду менеджера. Он всё не выходит из своего кабинета, занят с кем-то ещё. Вдруг чувствую какое-то нехорошее волнение. Понимаю, что мне кажется, будто я в ожидании приема у врача — коридор, двери, скамейка, долго не зовут.

Только недавно меня осенило: можно худеть сколь угодно сильно, но может оказаться, что и под жиром прячется очень плохая фигура.

Вижу вывеску «Пьяный дятел. Пивной кабачок». Если «кабачок», то «пьяненький»!

Не могу никак понять, зачем в мармеладных мишках так кропотливо пытаются делать глаза и рот. Если есть не пристально, тебе всё равно, а если рассматривать, то морда всё равно не медвежья.

Интересно, папа Карло прорезал бы Буратино вокруг глаз морщинками его годы? Как кольца.

Когда я слышу рассказы о том, как кто-то в детстве и юности бросал школу, сбегал из семьи, воровал деньги, сильно напивался и обманывал близких, у меня возникает какое-то обманутое: «А что, можно было?».

Когда замечаешь, что забыл переключить раскладку на клавиатуре и пишешь, не глядя, латиницей, то на секунду возникает приятное ощущение, что внезапно научился бегло писать на иностранном языке.

На прогулке пёс выполняет мои команды не с первого раза, а только после нескольких повторов и интонации с нажимом, с крепким словом вдогонку. Процесс похож на управление пультом с полусевшими батарейками, когда нужно давить на кнопку сильнее.

Серёжа не может выбрать, что ему надеть. Я советую ему замшевую куртку. Уходит, возвращается в теплой вельветовой, и жалуется, что ему в ней очень жарко. Да нет же, говорю, не вельветовую, замшевую.

— Перепутал, — отвечает, — они так похожи...

Мама придала в салоне красоты бровям изящную форму и выкрасила в тёмный цвет. Теперь они летают над её лицом будто морские тайки.

Встрёпанная кассирша в супермаркете, отбывающая ночную смену, с мольбой просит мелочь.

Начинаю искать и слышу:

— Спасибо, спасибо, а то я совсем босиком.

Когда у меня хорошее настроение, то мысли набиваются в голову, как летние туристы в недорогой, но очень чистенький отель.

Пять лишних килограмм, которые мне так мешают, никак не хотят уходить. Они как засидевшиеся гости, которых неудобно выгнать. Я намекаю, смотрю на часы и даже снимаю при них вечернее платье в надежде, что они сообразят всё сами. То есть иногда я пропускаю обед, раз в неделю минут пять делаю зарядку, и долго рассматриваю себя перед зеркалом. Сказать им прямо, то есть перестать есть и начать заниматься спортом мне не позволяет воспитание.

Палатка с пирожками называется «Красная шапочка». И вроде бы всё правильно — корзинка, бабушка, лес. А всё равно подташнивает — кто-то кого-то съел, начинка.

В метро жутко тесно. Я и так не выношу, когда ко мне прикасаются незнакомцы, а эти к тому же делают это без удовольствия.

Двор у нас хороший. Отчётливо выделяются три лагеря, которые не могут поделить зоны влияния. Три армии, три мафии. Мамы, старушки и собачники. Ненависть проходит в цепочке по типу «каждый с каждым», то есть эти кланы никогда не организовывают коалиций, не объединяют усилий и в этом, конечно, причина того, что победителя нет. Мамаш бесят собачники и собаки, потому что псы прыгают на детей и гадят вблизи песочниц, старушек бесят мамаша и дети, потому что те громко вопят, носятся по газонам, и пачкают развешанное бельё. Собачников бесят и старушки, машущие своими палками перед мордами псов, и мамаша, орущие при любом приближении к детской площадке. Старушек тоже бесят собаки. Мамаш тоже бесят старушки.

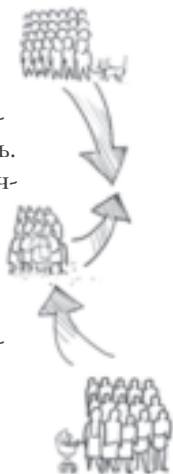
Всё взаимно.

Что делать — непонятно, потому что двор один и представителей всех трёх кланов примерно поровну. Мамаша и собачники слабее, потому что они не только за себя, им есть что терять.

Ещё есть перебежчики — это старушки-собачницы и бабушки с детьми.

Мамаша же с собаками — редкость. Я подозреваю, что они ведут двойную игру, гуляя час с ребенком и час собакой.

В данный момент я служу собачникам. С тревогой думаю о том, что мне суждено побывать в каждом лагере. Приходят мысли о карме, поэтому я предусмотрительно бьюсь с противниками очень вежливо.

В пробке покатые серые и блестящие крыши автомобилей напоминают спины рыб, идущих на нерест. И внутри люди с досады мечут икру.

На лавке, встроившись друг в друга спят два бомжа. Рядом стоит ополовиненная бутылка газировки «Буратино». Щеки нарисованного мальчика одного цвета с носами спящих.

Почему, когда человек говорит «я люблю тебя», он получает какие-то права, бонусы, скидки и прочие одолжения, будто его поощряют за трудолюбие и большую ответственность, которую он сам решил на себя взять. Но ведь всё не так. Любить — это как быть родом из Чернобыля. Полагается молоко за вредность и сочувствие.

*К платью трудно, но можно, подобрать обувь.
Сложно, но удаётся, выбрать сумку. Но совершенно невозможно подобрать походку!*

Купила на обед кусок сыра с плесенью. В холодильнике было нести лень, и я всё думала хуже или лучше ему будет в тепле.

Есть такая разновидность «я тебя люблю», будто на свежевыстиранную майку падает вдруг спелая сочная ягода. Расплывается досадное пятно и сверху над ним причитают: «Ну во-о-о-о-т».

Надпись в метро «Выход в город» читается как праздничные планы большого семейства.

Слова «глубокое детство» наверняка стоит применять к периоду, когда ты был ещё внутри мамы.

Бывает так, что на тебя бежит зверь, но ты не ловец, а он не в курсе.

Ревность — это как надоевшая жвачка во рту. Пользы уже никакой, только вид у тебя пошлый.

Внезапно влюбившийся друг похож не на выигравшего в лотерею, не на нашедшего клад, а на космонавта, улетающего к новой планете. Непонятно, когда же вернется и, главное, не обидят ли его зеленые человечки.

Меня часто так захватывает идея, что я не в силах следить за мелочами. В институте нам велели написать терапевтическую сказку, и я выбрала тему страха ненужности в старости. Придумала историю про древние деревья, которые жестокие люди хотели срубить, но потом одумались. Получила хорошую оценку, сама осталась довольна. Недавно перечитала и ужаснулась — история была с пронзительным финалом:
— Старые, мудрые кедры защищали людей от испепеляющего солнца своими широкими листьями.

Тележка в супермаркете слишком нагружена, и я её не могу удержать на горке съезда. Серёжа сочувственно мне:
— Что, скатилась?
И потом ей вслед:
— Скатина!

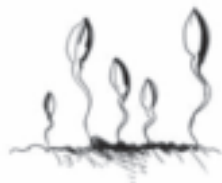
Гуляем с псом в поле с высокой травой. Его голова плывёт где-то вдалеке, как профиль Лох-Несского чудовища.

Когда псу жарко, он дышит часто, в ритме счётчика такси.

Большая грудь красивой женщины похожа на два удобных футляра для сердец. Для своего и для разбитых тужих.

Слушаю в наушниках очень громкий гитарный проигрыш. Видимо, музыканты роют в моей голове ход насквозь от уха до уха. Может они давно не виделись, всё стерео, да стерео.

Иногда сам себе напоминаешь маятник в старых напольных часах. Тебя носит от стенки до стенки, к жизни близко-близко, но за стеклом и в пыльном ящике.

Соседка посадила во дворе маки. Они ещё не распустились и торчат взволнованными зелеными сперматозоидами.

Хороший практикующий отличник кармического труда поступает с планами так: выстраивает желания пирамидкой, и потом с разворота в прыжке бьёт пяткой в самую середку. И тогда всё сбывается.

Тесными ботинками сильно натёрла ногу. Подумала, что если тебе неожиданно стало больно жить, значит жизнь стала не по размеру. Ты подрос и надо что-то менять.

Так получилось, что щенка в нашем доме мы воспитываем втроём с Серёжей и мамой. У каждого есть свои часы и, сдавая пост, мы подробно рассказываем о новом, смешном и страшном, случившемся за вахту. Судя по рассказам, у нас три пса, с разными характерами, и все с тяжёлыми.

Мне очень нравится смотреть, как пассажиры заполняют собой неожиданно подошедший пустой вагон. Можно выбрать лавочку и загадать на 6 счастливых усевшихся человек. 6 из 36.

Видела в метро негра в белоснежной рубашке. Потрясающий контраст, безумно красиво. Очень переживала, что нам, белым, очень трудно, потому что мы же никакие не белые. Мы то ли розовые, то ли бежевые.

Забыла блокнот, искала клочки, чтобы записать мелькнувшую мысль. Ничего не находилось и рука дернулась было к книге писателя Гайдука, где в конце оставалось несколько белых страниц. Потом нашла что-то другое и всё думала, а если бы бумаги не нашлось, получается, что я переписала бы Гайдуку финал?

Влюблённый теловек не похож ни на каких дурацких зайцев и котят, голубков и мишек с открыток. Он похож на готовую к препарации раскинувшуюся лягушку. Её живот беззащитно поднимается и опускается от дыхания, сердце бьётся и всё видно насквозь. А если ударить, она нежно обнимет тебя оторвавшимися от стола лапками.

Я давно всем признаюсь, что у меня есть одна недостижимость, которая меня очень мучает. Я хочу быть худенькой, невысокой брюнеткой. Потому что это мой идеал. Но это невозможно, потому что если даже я похудею очень сильно, то уменьшиться в росте я всё равно не смогу. При таких делах краситься в чёрный цвет, наверное, бессмысленно.

Падая, девочка лет двенадцати впечатала перед моим лицом в стекло двери вагона такой красоты и трогательности руку, что я ненадолго простила всех педофилов и лесбиянок.

Эти кабели вдоль тоннелей метро, нитью ведущие взгляд, если стоять у дверей, похожи на человеческие внутренности — кишечник, вены или артерии. А ты — на таблетку, у которой куплен тур, и она едет и смотрит.

Вся эта неуверенность в себе, все сомнения, страхи показаться глупым и никтёмным — это и есть основа движения, творчества и развития. Без этого ничего не может быть. Это тот самый двигатель ветного внутреннего сгорания. От стыда.

В метро напротив меня сидел мужчина с замученным лицом, в тесной курточке, с сомкнутыми в напряжении коленями — весь как маленький кулачок. Серый, неприметный, но в новеньких белоснежных кроссовках. Как будто мальчик из семьи пьющих родителей, а недавно был день рождения.

Многострадальный мой блокнот лежит в сумке, она закрывается на широкую ленту липучки. Каждое открытие сопровождается кошмарно громким треском. Это мои мысли салютуют по дохождению, как лягушонки в коробочках.

Девочка отмахивается от мамы, поправляющей ей воротничок, с таким же выражением лица, с которым капризничают девушки, мучая влюбленных мужчин. Ну кто их учит этому?! Все эти хмурые брови, дутые губы, обострившиеся скулы и изогнутые запястья. Герцогиня не в духе.

Идём мимо детской площадки.

Замечаю, что желоб горки покрашен красной краской. Мелькает мысль — «красная горка».

И тут же следом — «пора жениться».

Замечаю, что у Серёжи карманы жилетки находятся в неожиданном месте, где-то в районе плеч.

— Потайные?

— Неудобные.

Мне часто говорят, что я не соответствую своим текстам. Вместо вдумчивой и сосредоточенной девушки — слишком легкомысленно смеющаяся я. Как будто стащила у мамы дорогое украшение. И разгуливаю.

Дотошный художник рисовал корову на плакатах сети ресторанов «Му-му». У неё фартук в форме вымени.

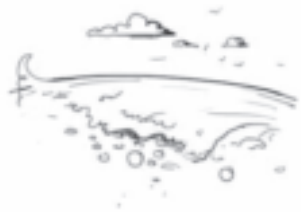
Молимся бегло, кратко, как набиваем sms. Ответов никогда не дожидаемся, самые удачливые получают подтверждение о доставке.

Серёжа занялся просмотром «Звёздных войн». Второй день в доме всю жизнь заглушают взрывы, грохот, рёв, крики и скрежет. Что-то пишу, но никак не могу сосредоточиться на мысли, соскакиваю, всё кажется, что мы летим и гибнем всей квартирой. Сержусь и кричу: — Скоро это кончится?!, — а из колонок услужливо кто-то укоряет: — В астероидном поясе ты не перейдешь на скорость света!

Миттельшнауцер и его седоватый хозяин
смотрятся ровесниками.

Рассказываю Серёже, что папа, скорее всего, останется зимовать у моря. — Ну, у него же здоровье, — сомневается Серёжа. Формулирую нужное очень быстро: — Там ему иногда бывает плохо. А здесь ему иногда бывает хорошо.

Лежу с закрытыми глазами, сквозь легкий сон слушаю выступление Юрского по телевизору. Он читает стихи, мне очень нравится. Потом оказывается, что выступление было посвящено роли жестов в актёрском мастерстве.

Молоденькие девушки ходят в коротких юбках, иногда рассматривая свои ноги в процессе движения. Может быть у них просто новые туфли, но выглядит так, будто у цапли прямо с утра ноги выдвинулись на пару колен, как у раскладной удочки. Ей и удивительно, и высоко, и нравится.

Многие позволяют себе необдуманные метафоры и сравнения. Например, говорят, что у них от любви выросли крылья. Воображаю: вот ты проснулся, пытаешься подняться, но не можешь оторвать спину от постели, потому что любовь большая и крылья тяжёлые. Сполз с кровати, постоял, по привычке, захотел кофе и тут же обнаружил, что рук нет. И всё. Можно полетать. Красиво, приятно. Но недолго — устаёшь, голодный, холодно. Влюблённые выживают в дикой природе очень редко, потому что ложку держать нечем.

По дороге домой танцевала зажатými в ладони истратенными батареjками.

Грузный мужчина с гордым лицом жадно пил минеральную воду. Девушка, обхватившая его, будто дерево, приникла щекой и ухом к животу, а потом расцвела улыбкой незапного узнавания, как будто она недавно учила анатомию и всё подтверждается.

Когда понятно чьё-то устройство, теряешь интерес. Невозможно, например, восхищаться бывшим соседом по парте, который списывал у тебя химию. Вчера близкий друг, с которым мы давно не виделись, не застав меня дома, забрал диск с Гришковцом и уехал, не дождав-шись. А я думаю ничего-ничего, Гришковцу тоже наверняка говорят: «Слышь ты, где у тебя тут Пелевин новый?». Ну и у Пелевина тоже не без друзей.

Сегодняшние названия могут свести с ума, если про них думать. «Мир шкафов» — чистое убийство для клаустрофоба, а «Жидкий сантехник» должен по вызову приплывать, всё исполнять и сливаться тихо, не прося на пиво.

Я влюбляюсь во всё, теряя землю под ногами, так часто и легко, как будто я бракованная фигурка из детской задачи, где звездочки, треугольники и квадраты нужно аккуратно вставлять в соответствующие прорези, иначе они туда не помещаются. Я же легко падаю во все.

По Камергерскому переулку шла старушка, на ходу развязывая узел пакета с маленькими миндальными печеньями и страшное нетерпение выходило из берегов её морщин.

В ювелирном магазине моют пыльные витрины. Человек трет шваброй грань огромного пластикового кристалла вывески. Так наверное и представляется беднякам богатство невиданных размеров.

У бюро путешествий на рекламном плакате нарисован кенгуру с обрезанным хвостом, который отдельно подрисован краской прямо на стене. Отпал, как у ящерицы.

Некоторые беседы так просты и просчитываются на сто ходов вперёд, как картинка в детской раскраске, в которой половина уже готова, а вторую нужно дорисовать, соединив точки. Такие разговоры приводят в уныние, подобное тому, какое вызывает массовик-затейник, выкрикивающий со сцены первую половину слова.

Июнь, всюду тополиный пух, несколько дней веду учёт, кто с чем его сравнивает. Понравились «вычёсывали старую белую собаку» и «боженька побывал в парикмахерской».

Видела в метро мужичка в галифе, в высоких хромовых сапогах, в руках пластмассовый мак. Сбежал, сбежал с репетиции.

Девушка плыла по платформе метро с таким возвышенным лицом, в таком невообразимо ветерном летящем наряде, что огонь хотелось подойти и спросить: — Как выйти к морю?

Поджала коленки, сижу, уткнувшись в книжку. Серёжа, проходя, укоризненно бросает: — А Набокова, между прочим, надо читать на боку.

Это хорошо ещё, что я Нагибина не очень...

В электричке девушка в кожаном жилете, в татуировках и в цепях продаёт пластмёр. Будто предостерегает от чего-то.

На входной двери в больницу наклейка от детского питания «Тип-топ. Всё будет хорошо».

Выбегаю в магазин, смотрю: двое на лавочке откупоривают бутылку портвейна, обнимаются, жмут руки. Через три минуты бегу назад. Бьют друг другу морды, портвейн недооткупорен. То есть никакое не пьянство во всём виновато.

Жалуюсь Серёже, что плохо выгляжу.
— Страшная такая, — вздыхаю.
— Не бойся, — гладит меня по спине.

Наблюдала, как в больничной палате четверо искалеченных мужиков без ног, без рук, с просветевшими лицами смотрели по телевизору бокс. Накидали на слабого, как на единственную вешалку, все свои собственные беды, и тот, конечно, во всех этих шубах проиграл.

Сижу в больнице, слежу за своим
беспокойно спящим дедом. Одно-
временно набираю sms, через каж-
дые две буквы поднимаю глаза.
Со стороны, наверное, кажется,
будто я срисовываю картинку.

В метро одновременно втроём схватились за по-
ручень при резком рывке. Все три руки в кожа-
ных перчатках. «Рот-фронт!» хотелось
выкрикнуть.

У Набокова встретила «шах-
матный игрок». Противник
развязно сбросил ферзя,
и пошёл с краплёного коня.

Если одну ночь пропустить, как лишнюю рюмку,
то открывается третий глаз на лбу — фонарь на
каске шахтера. Ходишь в темноте и видишь только
то, что попадает в твой луч. Если голову держать
равно, то ты поезд. Если ею крутить, то в городе
либо воздушная атака, либо дискотека.

Пьяноватый мужчина нёс связку роз на очень длинных стеблях, как фашистские флаги на параде победы. На вытянутой руке, ниц.

Небольшая доза алкоголя всех облагораживает — легкая волна оглаживает рассыпчатый песок. А перебор, шторм всегда выносит всякую дрянь со дна.

Я каждый день дважды проезжаю мимо автомобильного завода ЗИЛ. Над проходной расположено специальное табло с загорающимися, согласно погоде, секциями. «Снег», «дождь», «гололёд» и прочие... Вероятно, это необходимо для водителей, но мне это табло раз от раза кажется то гадальным, то волшебным.

В последнем случае хочется прокрасться и вывернуть на полную «солнечно».

Ценят всегда только то, что тяжело досталось или легко можно потерять. Понято, почему себя так часто недолюбливаешь.

Люди хотят, чтобы всё было проще. Чтобы были плохие и хорошие. Чтобы было право и лево. И даже фотографию предпочитают чёрно-белую.

Опять аплодировала моли. Иди, думала, сука, на бис, иди.

Бывают такие календари, которые дают расклад сразу на три месяца. Текущий — в центре, прошедший — сверху, будущий — внизу. Что есть, что было, что будет. Хочется потребовать ответа, чем сердце успокоится.

Именем соседа по лестничной клетке часто не интересуешься. В талант близкого человека не особенно веришь. Авторитетом выбираешь кого-то далёкого, не из своих. В этой связи думается, что органы человеческого тела, теснящиеся где-то в серединке, как начинка в пироге, должны больше всего уважать мозг, а не сердце.

Объявление: Даю понять.

На крыше автомобиля прилажена чугунная ванна. Прокрашен один только борт, всё остальное ржавое. Лицо при макияже, а попа в целлюлите.

У какой-то гимназии лозунг «Ты ещё не с нами?». Нет, мои дорогие, я не с вами уже.

Мужчины в буфете спорили, какие конфеты подарить женщине, «Гвардейские» или «Сказки Пушкина». Думаю, женщинам известнее гибрид «Гвардейские сказки» и виноват, разумеется, Пушкин.

В метро пожилой мужчина увидел обложку моей книги:
— А, Набоков, наверняка «Мастер и Маргарита»...

В Хлыновском тупике бард-кафе «Гнездо Глухаря». За углом на Б. Никитской уже кабачок «Ни пуха ни пера».

В Болгарии, говорят, на деньгах изображены святые. Народные на крупных купюрах, а заслуженные на мелочи?

Среди занятых мест в вагоне одно пусто, на нём кто-то оставил газету. Вошедшая женщина берёт газету, садится, и принимается её читать, раздражённо встряхивая.

Пожилая дама в вагоне прислушивается к объявлению станций метро, часто заглядывает в большой белый лист, прижатый к груди. На выходе заглядываю в её листок. Красным маркером во весь большой лист написано «станция СОКОЛЬНИКИ».

Всё чаще кажется, что тебя ставят в предлагаемые обстоятельства, будто пешку, и сразу в середину партии. Никогда не дают начать игру самому и выбрать цвет фигур.

Потрясает также то, что живём бесплатно. Без выходов, без праздников, без отпусков. Сто терез сто.

Нам как-то перестали продавать готовые четвёрки. Всё чаще теперь отдельно запакованные «два», «два» и знак «умножить». И дальше сами, сами как-нибудь.

Оказывается, сейчас делают специальный детский пластырь. Он не белый, не бежевый, а яркий, цветной со смешными рисунками. Всё думаю, почему же все больничное и аптекарское для взрослых такое безнадёжное? Начинаю понимать, что вообще вся эта серость и унылость красок жизни, все неприятности — просто настройки по умолчанию, просто никому в голову не приходит их изменить.

Братец пишет из Болгарии, спрашиваю, правда ли там на деньгах изображены святые. — Правда, я решил при расплате креститься, — отвечает.

Надо собрать продукты пищеварения собаки для врача, плетёмся утром с банками в сумке на прогулку. На обратной дороге замечаем, что на пакете крупными буквами краснеют буквы «ТВОЁ».

*Парикмахер Катя сегодня сказала, расчёсывая мои волосы:
— Отрастила же на свою голову!*

Так часто вымокаю под дождём на-
сквозь этим летом, что кажется, кто-то
наверху решил, что я — концентрат.
То есть свойства нормы приму по рас-
творении.

Журнал FHM выбрал сотню
самых сексуальных женщин пла-
неты. В том числе и близнецов
Олсен. То есть выбрали на самом
деле сто одну.

Поздно, Серёжа устал и хочет отдыхать.
Я кручусь вокруг, ною, умоляю и дёргаю,
прошу сделать в новом ремне дополни-
тельную дырку. Серёжа жалуется, что ему
сейчас просто не вмоготу вставать с кро-
вати и искать шило. Я отвечаю, что у нас
в доме шила и нет. — Да нет, — усмеха-
ется, — есть. Подойди и повернись ко мне
спиной, я достану, — говорит.

Вчера моя любимая тётушка всё объяснила мне
про карму. Сказала, что крысы — это чванливые
в прошлом белки.

Стало совершенно очевидно, что смерть близких я переношу легко. Но очень тяжело переношу свою собственную жизнь после таких потерь.

Я очень боюсь нарисованных солнышек в тёмных очках, морковок с зубами, игрушек для псов в виде собачек и детского печенья в виде крошечных человечков. Как известно, на вопрос: «Что пьёт корова?» сорок восемь человек из пятидесяти отвечают: «Молоко».

Гадала на киношной афише. Снимали плакат «Мадагаскара» с весёленькими разноцветными зверьками и я ждала на что его заменят. Водрузили «Время волков» с мрачной волчьей мордой. Расстроилась.

Меня совершенно потрясли запчастки к игрушечным домикам. Среди них есть люди разных калибров. Они прикреплены по десятку к единой пластмассовой палочке, как ягоды. Когда-то мы все так и росли.